

С НЕИЗВЕДАННОЙ ЕЩЕ СТОРОНЫ

Низами является одним из тех истинных художников слова, которые принадлежат не только одной нации, но всему человечеству. Творчество таких людей, как Гомер, как аль-Фараби, как ибн-Сина, как Омар Хайям, как Данте и Петрарка, как Алишер Навои, должно стать достоянием всего человечества, ибо, как сказал один из великих людей прошлого: «Все люди — члены единого организма, ибо они сотворены из единой материи. Если пострадает один член — постра-

дут и все остальные». Думы и чаяния всех величайших людей всегда были обращены к тому, чтобы своим искусством, своим талантом сделать людей счастливыми. Гомера переводили на европейские языки тысячу раз. Шота Руставели написал всего одну поэму — «Витязь в тигровой шкуре», которая переводилась на русский язык семнадцать раз. Низами — это такая истина, которую многим поколениям переводчиков придется открывать еще не раз — и всякий раз она будет открываться с по-

вой, неизвестной ее стороны.

Молодому московскому поэту и переводчику Виктору Коллегорскому во многом удалось передать суть лирических стихов Низами, открыть для русского читателя какие-то новые грани неисчерпаемого оригинала. Его новые переводы лирики Низами читатели азеты «Баку» сегодня могут прочитать на ее страницах.

Рустам АЛИЕВ, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Азербайджанской ССР.

НИЗАМИ

О душа, от которой султан
обретает блаженство,
Целый мир, исцелившись от ран,
обретает блаженство.

Да возрадятся устам, от которых
другие уста —
Счастливы тот, кто вином этим пьян!
— обретают блаженство.

О счастливая кухня,
о благословенный котел,
От которых и тот, кто не зван,
обретает блаженство.

Да не ведает сердце всю жизнь
о терзаниях того,
Кто, терпя от него лишь обман,
обретает блаженство.

Быть желаннее всех — и такой
непреклонно быть!
Горе мне — чем, жестокая,
сердце твое мне смягчить?

В ожиданье тебя я от жажды
рассыпался в прах.
Ты одна меня можешь водою
живой исцелить.

Будь сегодня со мной неразлучна,
расстаться страшись,
Ибо завтра нас могут навеки
с тобой разлучить.

Если б знать, что разлука —
всех дел неизбежный венец,
Лучше б вовсе нам дружбы
с тобой никогда не водить.

Где же милость твоя —
даже жалости нет у тебя!
У красавиц обычный жесток —
разлюбить и забыть.

От обиды я руки боюсь,
на себя наложу.
Хоть тогда, наконец,
соберешься ль меня навестить?

Никогда Низами не оставит
служенья тебе,
Как бы ты ни стремилась
все время ему досадить.

Ты в горе вспомнила, что я —
вернее самых верных слуг.

Да исцелит любовь моя и самый
тяжкий твой недуг.

Забудь меня с моей тоской,
не спрашивай меня о ней.
Она останется со мной, а слово —
не пустой ли звук?

Ты видишь, я тебя люблю —
могу ль я быть твоим врагом?
Я муки за тебя терплю,
а ты моих стыдишься мук.

Какой угодно цвет прими,
я тот же цвет приму тотчас —
Аллаха ль славить пред людьми
или зуннар наденешь вдруг.*

Пока горька моя тоска —
чем помогу тебе в беде?
А станет скорбь моя легка —
и ты утетишься, мой друг.

В кумира своего влюблен,
пускай унижен Низами —
Любую кару примет он,
что из твоих исходит рук.

Эй, мотылек, гаси свечу!
Цветник, лицо свое закрой!
Моя смеюшаяся роза
явила лик небесный свой.

Дай поцелуй мне, не скупись —
сегодня праздник у меня:
Из Тюркистана в Индустан фагфур
пришел мой в час ночной.*

Небесный кипарис — твой стан,
в раю не сыщется стройней.
Я — раб его, а он — султан,
что правит вечною самой.

Твой лик пылает, как свеча,
зажег он крылья мотылька.
Скорей же душу исцели мне уст
своих живой водой.

Я милой молвил: «Не томи,
скажи хоть слово Низами!»
Она в ответ мне: «Я — твоя а ты,
мой друг, — навеки мой!»

* Зуннар — грубый волосной пояс красного цвета, который обзаны были носить христиане и огнепоклонники в мусульманских странах, чтобы их не смешивали с мусульманами.

** В традиционном поэтическом слове Индустан (Индия) — олицетворял черноту, а Тюркистан (страна тюрков) — белизну, светлость, красоту. Фагфур (буквально обозначает «сын бога») — титул тюркских и китайских принцев.

Переводы В. Коллегорского.

БАКУ
Вечерний выпуск
31 ОКТ 1981